

Валентин Рунов

Легендарный КОРНИЛОВ

«Не человек, а стихия»

Последние герои Империи

Валентин Рунов

**Легендарный Корнилов.
«Не человек, а стихия»**

«Яуза»

2014

Рунов В. А.

Легендарный Корнилов. «Не человек, а стихия» / В. А. Рунов — «Яуза», 2014 — (Последние герои Империи)

«Не человек, а стихия», «он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат», «его любили и ему верили», «он себя не жалел, лично был храбр и лез вперед очертя голову» – так говорили о Лавре Георгиевиче Корнилове не только соратники, но даже враги. Сын сибирского казака и крещеной казашки, поднявшийся на самую вершину военной иерархии. Бесстрашный разведчик, выполнявший секретные миссии в Афганистане, Индии и Китае. Георгиевский кавалер, герой Русско-японской и Великой войны. Создатель первых ударных частей русской армии. Верховный Главнокомандующий и несостоявшийся диктатор России. Вождь Белого движения, возглавивший легендарный «Ледяной поход» и трагически погибший при штурме Екатеринодара. Последний герой Империи, который мог бы остановить революцию и спасти Отечество. Так считают «корниловцы». «Революционный генерал», предавший доверие Николая II и лично арестовавший царскую семью. Неудачник, проваливший «Корниловский мятеж» и тем самым расчистивший путь большевикам. Поджигатель Гражданской войны, отдавший приказ «пленных не брать». Так судят Корнилова его враги. Есть ли в этих обвинениях хотя бы доля правды? Можно ли сохранить незапятнанной офицерскую честь в разгар братоубийственной бойни? Искупает ли геройская смерть былые ошибки? И будет ли разгадана тайна «мистической» гибели генерала Корнилова, о которой спорят до сих пор?

© Рунов В. А., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Вступление	7
Глава первая	9
Корни	9
Выбор профессии	11
Академия Генерального штаба	13
Возвращение в Туркестан	20
На полях Маньчжурии	26
Накануне большой войны	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валентин Рунов

Легендарный Корнилов.

«Не человек, а стихия»

© Рунов В. А., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Вступление

В литературе, посвященной началу Гражданской войны в России, личности генерала Лавра Георгиевича Корнилова уделяется особое внимание. И это неспроста. В августе 1917 года Временным правительством он был объявлен мятежником, в декабре того же года он возглавил Добровольческую армию, ставшую первым ополотом белогвардейщины в борьбе с советской властью. В начале Гражданской войны корниловцами называли всех противников большевиков и беспощадно расправлялись с ними.

Сами события Гражданской войны, особенно ее начала, в советской литературе трактовались исключительно односторонне, под углом побед советской власти. В конце 80-х годов и в постсоветский период с невиданной силой начали перекраивать историю, воспевая белое движение. В качестве национальных героев начали называть имена А. И. Деникина, А. В. Колчака, А. М. Каледина, М. В. Алексеева и, конечно же, Л. Г. Корнилова. В то же время фундаментальных исследований деятельности этих военачальников в отечественной литературе не было. И предприимчивые издатели начали просто публиковать книги, вышедшие в различное время за рубежом. Однако эти книги писали, как правило, эмигранты, проигравшие борьбу с большевиками в годы Гражданской войны. Каждый из них, прежде всего, искал оправдание себе. Поэтому, как и от советских писателей, объективных оценок от них добиться было очень трудно.

За книгу о Л. Г. Корнилове я взялся по нескольким причинам.

В 1982 году, поступив на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе и имея склонность к военной истории, я был зачислен в особую группу, занимавшуюся углубленным изучением истории военного искусства. В те годы ежегодно на учебу в академию принимали около 400 человек, а в группу военных историков – 15 человек. В этой группе мы учились три года, слушая лекции лучших в то время военных историков, периодически выезжая на места сражений, работая в архивах и военном отделе библиотеки им. В. И. Ленина. Кроме того, в самой Военной академии им. М. В. Фрунзе находилась огромная библиотека, в фонды которой были включены издания бывшей Николаевской академии Генерального штаба, часть библиотек императорского Главного штаба и Генерального штаба.

Я окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе в 1985 году и для дальнейшего прохождения службы был направлен в город Свердловск (ныне Екатеринбург). Знатокам отечественной истории известно, что в 1918 году именно в этот город была переведена с Петрограда бывшая Николаевская академия Генерального штаба, а затем и привезена семья Николая II. Поэтому вполне естественно, что, оказавшись в Свердловске, я использовал все местные ресурсы для пополнения своих исторических знаний. В частности, мне удалось познакомиться с В. П. Орловым, отец которого в 1918 году проживал в Новочеркасске и, будучи по профессии телеграфистом, неоднократно встречался с Л. Г. Корниловым, М. В. Алексеевым, А. И. Деникиным, А. М. Калединым и другими лидерами белого движения. В 1919 году семья Орловых с Дона уехала на Урал и таким образом избежала уничтожения.

В 1987 году я вернулся на кафедру истории военного искусства Военной академии имени М. В. Фрунзе, но уже в качестве преподавателя. Работая на этой кафедре, я близко познакомился и даже сдружился с другим ее преподавателем, Ю. Н. Гордеевым. Это было на рубеже 80–90-х годов. В то время Юрий Николаевич вел раздел дисциплины, связанный с военной историей России до 1917 года и работал над книгой о А. И. Деникине. Во время работы над этой книгой он познакомился со многими людьми, в том числе и с детьми русских эмигрантов. Один из них подарил Гордееву «Вестник первопроходника» – самиздатовский сборник Калифорнийского общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода, выпущенный в 1968 году по случаю 50-летия гибели Л. Г. Корнилова. В этот отпечатанный на пишущей

машинке сборник вошли воспоминания о Л. Г. Корнилове многих людей, лично знавших генерала, а также другие материалы по данной тематике. Я, плотно занимаясь военной историей более 30 лет, этого сборника в других местах (библиотеки, архивы) не видел.

После 1991 года, когда рухнул Советский Союз и развалились Вооруженные силы СССР, система военного издательства также оказалась на грани развала. Книга, подготовленная Ю. Н. Гордеевым, оказалась никому не нужной. Мне с большим трудом удалось найти для ее издания средства у одного новоявленного бизнесмена, и книга «Генерал Деникин» увидела свет. В знак благодарности Юрий Николаевич подарил мне «Вестник первопроходника», и я получил доступ к многим уникальным материалам, связанным с жизнью и деятельностью Л. Г. Корнилова.

В 90-е годы, продолжая преподавательскую деятельность на кафедре истории военного искусства военной академии имени М. В. Фрунзе (с 1998 года – Общевоинская академия), я защитил диссертацию и начал активно работать над книгами по военно-исторической тематике. На сегодняшний день их издано более 40, в том числе 8 книг по истории Первой мировой и Гражданской войн.

Немаловажную роль сыграл и тот факт, что в последние годы по разным причинам удалось трижды побывать в Новочеркасске. Мне показали все достопримечательности этого города – столицы войска Донского. Затем я проехал по маршруту Новочеркасск, Старочеркасск, Аксай, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Краснодар, имея в виду путь, пройденный частями Добровольческой армии под руководством Л. Г. Корнилова.

И вот теперь, работая над книгой о Л. Г. Корнилове, я решил объединить в ней всю ранее собранную мной информацию и включить материалы с «Вестника первопроходника». При этом я решил пойти несколько дальше. Обладая определенными знаниями в области оперативного искусства и тактики, я рискнул дать оценку действиям Л. Г. Корнилова как командира дивизии, командующего армией, фронтом, Верховного главнокомандующего. Безусловно, кто-то, владеющий дополнительным материалом, может не согласиться с этими моими оценками. Понимая это, я всегда буду рад выслушать любые аргументированные доводы и мнения.

Глава первая Начало пути

Корни

Лавр Георгиевич Корнилов, родился 18 (30) августа 1870 года в Усть-Каменогорске Семипалатинской губернии, но детство провел в станице Каркалинской. По сведениям краеведа Юрия Попова, эта станица, расположенная на расстоянии 330 верст от Павлодара, 720 верст до Омска, была основана небольшой группой сибирских казаков в 1827 году. Среди ее первых жителей был и Николай Герасимович Корнилов, который из-за знаний казахского языка выступал в качестве переводчика. В Каркалинскую он пришел с молодой женой, они построили дом, родили десять детей. Известно, что с 1849 по 1853 год Николай Корнилов состоял толмачом при султанине Каркалинского округа Кунабае Ускенбаеве, за что был пожалован несколькими скаковыми лошадьми и стадом баранов.

Четыре сына Николая Герасимовича пошли по стопам отца. Но больше других преуспел старший – Егор (Григорий, Георгий). Начав свою карьеру писарем и переводчиком с казахского языка, он затем прошел обучение в классе восточных языков при Омском батальоне и был направлен волостным писарем в родную станицу. Вскоре после этого он женился на Прасковье Ильинишне Хлыковской – казачке Кокпектинской станицы, в венах которой текла не только калмыцкая, но и польская кровь. Ее предки были высланы в Сибирь после польского восстания 1831 года и, обжившись здесь, со временем превратились в казаков.

Вскоре Егор Николаевич получил чин коллежского регистратора. Произошло это не без влияния идей ученого-этнографа Г. Н. Потанина, убежденного сторонника сибирского «областничества», противника самодержавия. В 1869 году он получил должность письмоводителя при городской полиции в Усть-Каменогорске и купил небольшой домик на берегу Иртыша, где и родился Лавр.

По другой версии Лари (первоначальное имя) родился в станице Семикаракорской (по-калмыцки Семинкеерк) Всевеликого войска Донского. При этом якобы его настоящим отцом был крещеный калмык, погонщик Гильджир Дельдинов, который то ли умер, то ли был убит казаками в молодые годы. После этого мать Лари уехала на жительство к своему брату Георгию Корнилову в город Верный Семипалатинской губернии. Здесь оформили новые документы, и ребенок стал Лавром. Но у данной версии слишком много неясностей, поэтому остановимся на первой, которая была признана официальной.

В 1872 году Егор Корнилов с семьей вернулся в Каркалинскую станицу, а их дом в Усть-Каменогорске был передан женской гимназии. К то время Каркалинская станица была уже достаточно крупным административным центром. В ней имелись церковь, двухклассное городское приходское училище, почтовая станция, три кузницы, кожевенный завод, водяная мукомольная мельница. Численность населения достигала 860 человек.

Кроме пяти братьев, у Лавра было две сестры, Вера и Анна. Лавр нежно любил сестру Веру; «он был на последнем курсе в училище, когда эта труженица умерла, – вспоминала Анна. – Смерть ее тяжело отозвалась на Лавре. Сестра служила в нашей семье связующим звеном нового поколения со старым».

Лавр Корнилов – кадет Сибирского кадетского корпуса (1888 г.).

Первоначальное образование Лавр получил в местной приходской школе. Семья была большая, и ему приходилось помогать много и дома, и в поле.

Он находил время однако и учиться. По словам сестры, на Лавра «с детства смотрели как на особенного ребенка, возлагали на него большие надежды».

В 1882 году, когда Лавр окончил начальное училище, семья переехала в пограничный город Зайсан, где отец определился на службу переводчиком. По воспоминаниям сестры, в Зайсане «детские игры были окончательно заброшены, и все интересы сосредоточились около военных. Эта обстановка усилила у брата любовь к военной службе, походам и маневрам».

Лавр начал готовиться к поступлению в Сибирский кадетский корпус, причем сразу во 2-й класс. Учителей не было, лишь один молодой поручик провел с ним несколько уроков по математике, в основном же пришлось готовиться самостоятельно. Он много читал, приставал к различным людям с вопросами и вскоре в округе начал слыхать «грамотеем».

Выбор профессии

Летом 1883 года Лавр сдал экзамены в кадетский корпус по всем предметам успешно, кроме французского языка (в киргизской степи негде было взять хороших репетиторов). Но, уже оказавшись в корпусе, Лавр и в этом деле проявил завидную настойчивость и через год добился того, что и по французскому ему была поставлена отличная оценка.

Однако за поведение Лавр Георгиевич получал сравнительно низкие баллы, вследствие неприятной истории, произошедшей между ним и одним из офицеров училища, который позволил себе обидную бестактность в адрес Корнилова и неожиданно получил от гордого юнкера отпор. «Офицер был взбешен и уже сделал резкое движение, но невозмутимый юноша, сохраняя внешне ледяное спокойствие, опустил руку на эфес шпаги, давая понять, что за свою честь намерен стоять до конца. Увидевший это начальник училища генерал Чернявский немедленно отозвал офицера». Учитывая таланты и всеобщее уважение, которым пользовался Корнилов, этот проступок был ему прощен.

Кадетские годы Лавру запомнились редкими поездками домой, ограниченностью в средствах. Сестра отмечала, что «подростком он был очень застенчив, туго сходилась с людьми и выглядел даже угрюмым. Уйдут его товарищи и братишка на детский вечер, а Лавр усаживается за задачи или читает про какое-нибудь путешествие и получает не меньшее удовольствие». Перелом наступил только в старшем классе, когда вокруг Лавра и Анны сложился небольшой кружок ровесников, гимназисток и кадет. «Брат перестал дичиться, полюбил общество, танцы, стал таким веселым, остроумным собеседником».

Помня свои неудачи с иностранным языком, он усиленно занимался и в 7-м классе сделал полный перевод французского романа «Поль и Виргиния». Одновременно начал изучать восточные языки, быстро в этом деле раскрыв свои способности. К киргизскому, с детства знакомому, добавился монгольский, на который для практики Лавр перевел учебник по физике. Корнилов продолжал изучать языки и в последующем. К тридцати годам он овладел английским, французским, немецким, татарским и персидским языками.

Чтение литературы раскрывало юноше разные стороны реальной жизни. Роман «Что делать?» Чернышевского к Лавру Корнилову не попал, но зато он «глубоко перепахал» малоизвестный роман А. А. Потехина «Крушинский». По сюжету, мещанин Крушинский получил высшее медицинское образование, полюбил девушку из дворянской семьи, однако ему отказали из-за «низшего происхождения». «Судьба Крушинского подсказывала Лавру, что и ему со временем придется много бороться с сильными мира сего, чтобы добиться положения без связей, без протекции, только своим умом и энергией», – вспоминала сестра.

Лавр рано понял: если хочешь чего-то добиться в жизни, то надо быть лучшим. В 1889 году кадетский корпус был окончен с отличными аттестациями, следовало думать о продолжении учебы. Он хотел поступать в Михайловское артиллерийское училище, но отец не одобрял его намерение, и настаивал на Николаевском инженерном.

К этому времени доходы отца сократились, он не мог оплачивать Анне выпускной класс гимназии и помогать Лавру. В последний год пребывания в кадетском корпусе Лавр, чтобы продолжить обучение и помочь сестре, даже давал уроки математики отстающим товарищам. Это было его первым заработком. Небольшой доход приносили и гонорары за статьи в журнале «Природа и охота», которые он писал под вымышленным именем.

В августе 1889 года Корнилов стал юнкером Михайловского артиллерийского училища. С поступлением в училище для Корнилова началась самостоятельная жизнь. Нужно было не только зарабатывать на существование, но и помогать родителям. Интерес к военной науке и твердое сознание того, что только собственными усилиями можно добиться успехов, форми-

ровали характер юнкера; он отлично учился и в марте 1890 года стал унтер-офицером, а на последнем курсе, в ноябре 1891 года, получил звание портупей-юнкера.

Е. Семенова в своей работе «Фаталист» об этом периоде жизни Е. Г. Корнилова пишет: «...В тринадцать лет Корнилов отправляется в Омск и поступает в Сибирский кадетский корпус, являвшийся шестым из 30 существовавших в то время и первым провинциальным. По итогам первого года обучения Корнилов выходит в число лучших учеников. Его оценки по всем предметам колеблются от 10 до 12 баллов из 12 максимально возможных. Директор корпуса генерал Пороховщиков указывал в аттестации на юного кадета: «Развит, способности хорошие, в классе внимателен и заботлив, очень прилежен... Скромн, правдив, послушен, очень бережлив, в манерах угловат. К старшим почтителен, товарищами очень любим, с прислугою обходителен». В заключительной аттестации по прошествии пяти лет можно будет прочесть также: «Скромн, откровенен, правдив. Трудолюбив и постоянно с охотой помогает товарищам в занятиях. Серьёзен. Послушен и строго исполнителен. (...) К родным относится с любовью и часто пишет им письма. Со старшими почтителен и приветлив. Товарищами очень любим и оказывает на них доброе влияние...»

Выпускная аттестация гласила: «Тих, скромн, добр, трудолюбив, послушен, исполнителен, приветлив, но вследствие недостаточной воспитанности кажется грубоватым... Будучи очень самолюбивым, любознательным, серьезно относится к наукам и военному делу, он обещает быть хорошим офицером. Дисциплинарных взысканий не было».

4 августа 1892 года Лавр Корнилов надел офицерские погоны. Несмотря на открывавшуюся перед ним перспективную, но и весьма дорогую, службу в гвардии, молодой подпоручик отправился в Туркестанский военный округ. В сентябре того же года началась его служба в Ташкенте, в 5-й батарее Туркестанской артиллерийской бригады. Как и для всех молодых офицеров, проходила она с обычными строевыми занятиями, дежурствами и смотрами. В свободное время Лавр практиковал «пробу пера» – сочинял эпическую поэму о предводителе киргизского восстания Кенисаре-батыре, которая так и осталась незавершенной.

Он выдержал все тяготы службы, получил чин поручика и через два года подал документы для поступления в Николаевскую академию Генерального штаба.

Академия Генерального штаба

Николаевская академия Генерального штаба в то время была основным высшим военно-учебным заведением. Она была создана по личному указу императора Николая I в 1832 году для подготовки штабных работников высшего тактического звена управления (дивизия, корпус). В числе ее преподавателей были такие известные военные специалисты, как А. И. Максимеев, Н. Н. Обручев, Н. П. Глиноецкий, В. М. Аничков, Г. А. Леер, Д. Ф. Масловский.

В академию принимали офицеров, окончивших военные училища, получивших определенный опыт строевой службы и успешно сдавших вступительные экзамены. После двух лет учебы основная часть слушателей, показавших только хорошие знания по основным предметам обучения, направлялась в войска. И лишь немногим, получившим отличные оценки, было предоставлено право обучаться еще год, получая специальные знания и навыки, в том числе и в области организации и ведения агентурной разведки.

Поступить в эту академию в то время было очень не просто. При поступлении офицеры должны были сдавать воинские уставы.

Знак выпускника Николаевской академии Генерального штаба.

В основе сдачи воинских уставов лежали уставы как Строевые, так и общие. Строевой устав пехотной и кавалерийской службы рассматривал подготовку одиночного солдата, взвода, роты (эскадрона), батальона. В Уставе артиллерийской службы были изложены основы подготовки орудийных расчетов, артиллерийских батарей и дивизионов. При сдаче общих уставов нужно было показать глубокие знания о порядке внутренней, гарнизонной служб. Для определения уровня тактической подготовки абитуриенты проверялись по знаниям тактики и наставления для действий войск в бою из всех видов оружия. Также сдавались экзамены по материальной части артиллерии, фортификации, математике, военной администрации, политической истории (всеобщей и российской), географии, русскому, немецкому и французскому языкам.

В качестве дополнительных зачетов проверялись навыки по топографическому черчению и верховой езде. Безусловно, сдать все эти экзамены было очень не просто.

Лавр Корнилов для поступления в академию готовился основательно, не только уделяя этому делу личное время, но и приспособив служебное время для закрепления теоретических знаний. Он обратился к командиру полка за разрешением присутствовать на занятиях в подразделениях кавалерии, артиллерии и саперов. Затем, по согласованию с начальником штаба полка, Лавр Георгиевич помогал офицерам штаба готовить графические документы для проведения полковых маневров. Для закрепления теоретических знаний Корнилов объединился с другим офицером, также готовившимся для поступления в академию. Вечерами они, предварительно изучив определенный раздел того или другого предмета, докладывали друг другу, проверяя таким образом полученные знания.

Мытарства поступающих в академию штаба начинались с проверочных экзаменов при окружных штабах. Просеивание этих контингентов выражалось такими приблизительно цифрами: держало экзамен при округах 1500 офицеров, к экзаменам в академию допускалось 400–500, а поступало 140–150 человек.

Тем не менее вступительные экзамены в академию Л. Г. Корнилов сдал успешно. Правда, поступление в академию еще вовсе не означало ее успешного окончания. В процессе учебы из-за неуспеваемости и по другим причинам примерно каждый десятый офицер покидал это учебное заведение. Трудности в учебе создавались и по другим причинам.

Военная политика, проводимая при Александре III, отличалась своей косностью. Она сделала невозможной дальнейшую плодотворную деятельность военного министра Д. А. Милютина, который в знак протеста против реакционного курса правительства подал в отставку. На его место был назначен генерал П. С. Ванновский, человек ординарного ума и скромного образования (кадетский корпус), да к тому же весьма грубый, который возглавлял военное ведомство 17 лет.

Об этом времени профессор Николаевской академии Генерального штаба А. Ф. Редигер писал: «...все это время в военном ведомстве царил страшный застой... последствия этого застоя были ужасны. Людей, неспособных и дряхлых, не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а когда добирались до высших должностей, они уже мало отличались от окружающей массы посредственностей. Этой ужасной системой объясняется и ужасный состав начальствующих лиц как к концу царствования Александра III, так и впоследствии...».

Вполне понятно, что при таком высшем руководстве Академия нормально развиваться не могла. Правда, немалые усилия для спасения ее научных и учебных традиций предпринимал начальник Генерального штаба генерал Н. Н. Обручев, который по мере возможности стремился продолжить реформы, начатые Д. А. Милютиным и М. И. Драгомировым. Но ему это не всегда удавалось, так как со второй половины 80-х годов все преобразовательные идеи М. И. Драгомирова воспринимались в верхах с большим недоверием и, как правило, блокировались.

Начальник академии генерал-лейтенант Г. А. Леер, несмотря на то что долгое время трудился в этом военно-учебном заведении на преподавательских должностях, не имел практического командного или штабного опыта в войсках. Зато он исключительно хорошо ориентировался в настроениях императорского двора и официально поддерживаемых военно-научных кругов, имел обширные знакомства среди столичного генералитета. Это позволяло ему вести в академии внутреннюю политику, угодную правительству. Он пересмотрел свое отношение к обучению слушателей в угоду академизму. Больше внимания стали уделять математике и астрономии в ущерб стратегии и тактике. Бытовали протекционизм и интриганство.

О данном периоде жизни Николаевской академии Генерального штаба ее воспитанник (в последующем генерал-майор) А. А. Самойло, который учился в этом военно-учебном заведе-

нии в период с 1895 по 1898 год, в своих воспоминаниях писал: «Академия находилась как бы под боком у гвардии, великих князей, военной и всякой иной аристократии. Обширная сеть из протекций, родственных связей, дружеских отношений, знакомств, интриг и прямой подлости была связана с поступлением в академию и обучением в ней. Здесь расцветали и разносились по всей армии чувства, не имевшие ничего общего с крепкой товарищеской спайкой, доверием и уважением к Генеральному штабу как «мозгу» армии».

Другой слушатель академии того периода, А. И. Деникин, в своей книге «Путь русского офицера» писал: «Академия в мое время, то есть в конце девяностых годов, переживала кризис... Мы изучали военную историю с древнейших времен, но у нас не было курса по последней русско-турецкой войне 1877–1878 годов... Трижды менялись взгляды на Академию – то как на специальную школу комплектования Генерального штаба, то, одновременно, и как на военный университет... Из «военного университета», однако, ничего не вышло».

Командование академии грубо вмешивалось в личную жизнь слушателей. Так, например, разрешение на вступление в брак слушателю давал начальник Академии под тем предлогом, что он несет личную ответственность за то, чтобы невеста была «пристойной». Это нередко приводило к душевным драмам, под влиянием которых даже происходили самоубийства офицеров.

В целом же период командования академией Г. А. Леером оценивается современниками, как время застоя. Высшие военачальники – в основном участники русско-турецкой войны, пропагандировали только ее парадные стороны, умалчивая о недостатках, избегая анализа неудачных боев.

Приход к власти в 1894 году Николая II мало изменил обстановку. Новый император чтит своего покойного отца и его соратников. Высший генералитет служил пожизненно, всячески препятствуя продвижению всего нового. Академия должна была подстраиваться под эти условия.

Жизнь слушателей академии была сложной также и по причине безденежья (81 рубль в месяц), которое они постоянно ощущали, живя в Петербурге.

Слушатели академии считались кандидатами в представители высшей военной элиты Российской империи. На этом основании они имели возможность неоднократно видеть императора Николая II и его семью в самой различной обстановке.

Учась в академии, Лавр Георгиевич впервые увидел императора при открытии офицерского Собрания гвардии, армии и флота, заложенного еще повелением императора Александра III. В тот день, по случаю присутствия императора Николай II, великих князей и представителей высшего генералитета, громадный зал был переполнен.

С речью выступил профессор академии Генерального штаба полковник Золотарев. Он воздал хвалу основателю Собрания, а затем заговорил о внутренней политике Александра III. Собравшиеся офицеры, далеко не все довольные консервативной политикой императора, слушали эту речь в напряженном молчании.

Но вот лектор перешел к внешней политике. Очертив в резкой форме «унизительную для русского достоинства, крайне вредную и убыточную для интересов России пронемецкую политику предшественников Александра III», Золотарев поставил в большую заслугу последнему установление лозунга – «Россия для русских», отказ от всех обязательств в отношении германского императора и возвращение себе свободы действий по отношению к другим западным державам». Услышав это, первые ряды зашевелились. Послышался глухой шепот неодобрения, задвигались демонстративно стулья, на лицах собравшихся появились саркастические улыбки, и вообще, высшие сановники всеми способами проявляли свое негодование по адресу докладчика. Корнилов был удивлен таким ярким германофильством среди сановной знати, а также тем, как она держала себя в присутствии государя. Но когда Золотарев закончил свою

речь, государь подошел к нему и в теплых выражениях поблагодарил за «беспристрастную и правдивую характеристику» назревшего момента...

В Зимнем дворце давались периодически балы в тесном кругу высшей родовой и служебной знати, на которые также приглашали и слушателей Николаевской академии Генерального штаба. Особенно это практиковалось при проведении первого бала, который означал открытие балльного сезона. Накануне бала Гофмаршальская служба императора рассылала приглашения для офицеров петербургского гарнизона и в военные академии. В частности, Академия Генерального штаба получала порядка 20–25 приглашений.

Лавр Георгиевич в числе других стал гостем такого бала. Всего на нем было около полторы тысячи гостей. В начале бала придворные чины, быстро скользя по паркету, привычными жестами очистили в середине грандиозного зала обширный круг, раздвинулись портьеры, и из соседней гостиной под звуки полонеза вышли попарно государь, государыня и члены царской семьи, обходя живую стену круга и приветливо кивая гостям. Затем государь с государыней уселись в соседней открытой гостиной, наблюдая за танцами и беседуя с приглашенными в гостиную лицами. Танцы шли внутри круга. При этом, по придворному этикету, все остальные гости стояли, так как стулья в зале отсутствовали.

Корнилов и несколько его товарищей из провинциальных офицеров, впервые оказавшись в Зимнем дворце, в смятении держались вместе. На них обстановка бала производила впечатление своей невиданной феерией, грандиозностью и импозантностью залы, блеском мундиров военных и гражданских чинов, роскошью дамских костюмов.

Офицеров не особенно интересовали танцы. Пододвинувшись к гостиной, они с нескрываемым любопытством наблюдали за тем, что там происходит. А в промежутке между своими наблюдениями они отдавали посильную дань царскому шампанскому, переходя от одного «прохладительного буфета» к другому.

После окончания танцев все приглашенные поднялись на верхний этаж, где в ряде зал был сервирован ужин. За царским столом и в соседней зале рассаживались по особому списку, за всеми прочими – свободно, без чинов. Ужин был сытный, но без излишеств. Спиртное также пили мало, всего несколько традиционных тостов за отечество, во славу русского оружия и за членов царственного дома Романовых.

Перед окончанием ужина, во время кофе, государь, также по традиции, ходил по проходам, специально оставленным в зале. При этом он останавливался перед некоторыми столиками и беседовал с кем-либо из присутствующих.

Корнилова удивила доступность Зимнего дворца. При входе во дворец охрана пропустила офицеров, даже не проверив их удостоверений личности. Еще более доступен бывал Зимний дворец ежегодно 26 ноября, в день праздника святого Георгия и основания Николаевской академии Генерального штаба. Тогда приглашались на молебен и к царскому завтраку все находившиеся в Петербурге кавалеры ордена, а также большая группа преподавателей и слушателей академии. Во дворце проводили «Высочайший выход».

Корнилов несколько раз бывал на этих «выходах». Среди рядов офицеров из внутренних покоев в дворцовую церковь проходила процессия из ветеранов Крымской, русско-турецкой войн, кавказских и туркестанских походов – живая история России в лицах. В конце процессии шел государь и обе государыни.

На эти «высочайшие выходы» имели доступ офицеры Николаевской и других военных академий. И не было случая, чтобы во время церемоний произошли какие-либо непредвиденные обстоятельства, несмотря на то что в то время различными революционерами была буквально наполнена Россия.

Во время учебы Лавра Георгиевича в академии ее слушатели, так же как и офицеры армии, интереса к политике не проявляли. Так, А. И. Деникин, также учившийся в то время, в своих мемуарах писал: «Мне никогда не приходилось слышать о существовании в Акаде-

мии политических кружков или об участии слушателей ее в конспиративных организациях. Задолго до нашего выпуска... тогдашний начальник Академии генерал Драгомиров, беседуя по этому поводу с академистами, сказал им:

– Я с вами говорю, как с людьми, обязанными иметь свои собственные убеждения. Вы можете поступать в какие угодно политические партии. Но прежде чем поступить, снимите мундир. Нельзя одновременно служить своему царю и его врагам. Этой традиции, без сомнения, придерживались и позднейшие поколения академистов».

Одновременно с Л. Г. Корниловым в Николаевской академии Генерального штаба учились такие в последующем известные люди, как М. Д. Бонч-Бруевич, названный уже выше А. И. Деникин, годом старше его были А. С. Лукомский и И. Г. Эрдели, годом младше – А. Е. Снесарев.

Лавр Георгиевич умел извлекать уроки из печального опыта других и неустанно готовился по всем предметам обучения. По выпуску из академии Корнилов опять первый: малая серебряная медаль, чин капитана досрочно, фамилия – на почетной мраморной доске академии. «Скромный и застенчивый армейский артиллерийский офицер, худощавый, небольшого роста, с монгольским лицом, был мало замечен в академии и только во время экзаменов сразу выделился блестящими успехами по всем наукам», – вспоминал однокашник Корнилова по академии генерал русской армии Африкан Петрович Богаевский.

Во время учебы в академии изменилась и личная жизнь Лавра Георгиевича. Несмотря на замкнутость характера и известную отчужденность от петербургского общества, на одном из званных вечеров он познакомился с дочерью титулярного советника В. Марковина, 22-летней Таисией, и вскоре женился. «Жена его, хорошенькая маленькая женщина, – вспоминала А. Г. Корнилова, – была из большой семьи и очень скучала в Петербурге. Все свои свободные минуты брат посвящал жене и временами занимался с ней французским языком. Оба мечтали иметь большую семью. Средства их были очень ограничены. 20-го делали подсчет и, если оставались лишки, шли покупать халву – любимое лакомство Таи, и позволяли себе пойти в театр».

В 1898 году должен был состояться очередной выпуск из Николаевской академии Генерального штаба. По результатам выпускных экзаменов 28 апреля на собрании профессоров и преподавателей Академии, высших чинов Военного министерства и Генерального штаба были рассмотрены результаты занятий офицеров, окончивших дополнительный курс. Заседание определило представить на утверждение императора награждение наиболее отличившихся, в том числе и штабс-капитана Туркестанской артиллерийской бригады Л. Г. Корнилова, завершившего курс академии лучшим, с малой серебряной медалью и занесением его имени на мраморную доску в конференц-зале.

Накануне, на основании существовавшего в то время закона, были составлены и опубликованы списки окончивших курс по старшинству баллов. Окончательным считался средний балл, который определялся по двум показателям: за теоретический двухлетний курс и за три диссертации. На основании выведенного среднего балла около 50 офицеров, среди которых был и капитан Л. Г. Корнилов, причислялись к корпусу Генерального штаба. Остальным, также около 50 человек, предстояло вернуться в свои части.

Офицеров, причисленных к Генеральному штабу, пригласили в академию, от имени ее начальника поздравили с причислением, после чего начались практические занятия по службе Генерального штаба, длившиеся две недели. За это же время выпускники должны были завершить в Петербурге все свои дела, и подготовиться к отъезду в места последующей службы.

Выпуск из военных академий, в том числе и Николаевской академии, также был обставлен очень торжественно. В частности, все они были приглашены на личную аудиенцию к императору в Царское Село. Для этого был даже подан специальный поезд.

В Царскосельском дворце офицеров построили в одну линию вдоль залы в порядке списка по старшинству. На правом фланге отдельно стояли офицеры, причисленные к Генеральному штабу.

Ждали долго. Наконец по рядам раздалась тихая команда:

– Господа офицеры!

Вытянулся и замер дворцовый арап, стоявший у двери, откуда ожидалось появление императора.

Вошел государь.

По природе своей человек застенчивый, он, по-видимому, испытывал немалое смущение во время такого большого приема. Перед ним стояло нескольких сот офицеров, и каждому из них ему предстояло задать несколько вопросов, сказать что-либо приветливое...

Подойдя к Корнилову, Николай II задал несколько традиционных вопросов о его предыдущей службе. Лавр Георгиевич ответил также готовыми трафаретными фразами. Но в это время сопровождавший царя военный министр Куропаткин, наклонившись, что-то шепнул Николаю II на ухо. Тот остановился, несколько пристальнее и даже с определенным интересом посмотрел на Корнилова и, больше не сказав ни слова, пошел дальше. Позже Лавр Георгиевич не раз строил догадки в отношении того, что мог сказать императору военный министр, но ответа не находил.

Несмотря на ряд недостатков, академия в плане профессиональной подготовки офицера значила очень много. Так, тот же А. И. Деникин писал: «Говоря об отрицательных сторонах Академии, я должен, однако, сказать по совести, что вынес все же из стен ее чувство искренней признательности к нашей *alma mater*, невзирая на все ее недочеты, на все мои мытарства, о которых речь впереди. Загромождавая нередко курсы несущественным и ненужным, отставая подчас от жизни в прикладном искусстве, она все же расширяла неизмеримо кругозор наш, давала метод, критерий к познанию военного дела, вооружила весьма серьезно тех, кто хотел продолжать работать и учиться в жизни. Ибо главный учитель все-таки жизнь».

Возвращение в Туркестан

Пожалуй, не только офицеры «из простых», но и потомственные дворяне с титулами и поместьями сочли бы это звездным часом. Лучшие выпускники академии пользовались преимуществом при выборе дальнейшего места службы. Корнилов выбрал Туркестан. И не Ташкент, уже довольно обжитый к тому времени русскими, а беспокойную границу с Афганистаном.

В октябре 1898 года Лавр Георгиевич с молодой супругой выехал в Ташкент. Они сошли на одной из железнодорожных станций, не доехав 100 верст до этого города. Корнилов решил показать супруге Туркестанский край, и с этой целью устроил в качестве свадебного путешествия трехдневный переход на верблюдах по пустыне.

В ноябре 1898 года Корнилов получил назначение в небольшой город Керки у урочища Термез, в распоряжение начальника 1-й Туркестанской линейной бригады генерал-майора М. Е. Ионова, известного исследователя Центральной Азии, совершившего поразительную по смелости экспедицию через неисследованные районы Памира. Лавр Георгиевич хорошо знал, что в строевых частях офицеры к выпускникам Николаевской академии Генерального штаба относятся неуважительно, считая их выскочками и называя между собой «моментами». Поэтому, прибыв на место службы, капитан-генштабист сразу же начал проявлять большую служебную активность.

Это было время острых англо-русских противоречий. Центральная Азия всерьез рассматривалась стратегами обоих государств как возможное место будущих сражений. Также англичане уделяли чрезвычайно важное внимание Афганистану – кратчайшему пути для продвижения России к Индии. Афганская армия ими усиленно вооружалась, а вдоль русской границы воздвигались крепости и укрепления. Поэтому не удивительно, что русским Генеральным штабом была поставлена задача – проникнуть в тайны англо-афганских приготовлений.

Существовали и приграничные трения между правительствами России и Афганистана. Перед самым приездом Корнилова в бригаду русскими войсками был отбит у афганцев важный стратегический пункт на берегу Аму-Дарьи – город Термез, древняя столица Бактрии. Прямо против Термеза, на другом берегу Аму, находился Мазари-Шариф, центр Афганского Гиндукуша. Здесь, у входа на перевалы Гиндукуша, для прикрытия путей через Бамьян на Кабул афганцы поспешно строили крепость Дейдади и целую сеть мелких опорных пунктов. «Мне, – позже вспоминал генерал Ионов, – страстно хотелось выяснить характер работ, предпринятых афганцами и, по возможности, характеристики воздвигнутых ими укреплений. Однако крепость находилась в 50 верстах от берега в глубине афганской территории, афганцы были бдительны и неумолимы к нашим разведчикам и сведений об укреплениях мы не имели».

По прибытии Корнилова Ионов посетовал ему на недоступность Дейдади для русской разведки. Лавр Георгиевич воспринял слова начальника как сигнал к действиям. После очередной неудачной попытки добыть информацию, используя разведчиков из «туземцев», он под каким-то предлогом просил у Иванова разрешения на три дня в отпуск.

Понимая несовершенство традиционных способов сбора разведывательной информации через завербованных афганцев и таджиков, которые нередко являлись двойными агентами, Корнилов решил самостоятельно предпринять рискованное путешествие.

Л. Г. Корнилов во время выполнения разведывательных заданий.

В январе 1899 года Лавр Георгиевич с двумя спутниками-афганцами, предварительно выбрив голову, подстриг усы, высоко подогнав стремяна, он на утлом плоту из надутых козих бурдюков за несколько верст от Термеза переправился на афганский берег. Высадился маленький отряд у небольшого торгового городка Чушка-Гузарь, где пересел на лошадей, купленных в ближайшем селении. На рассвете Корнилову и его спутникам удалось достичь крепости, но разглядеть ее в утреннем полумраке было невозможно. Но, подъезжая к крепости, Лавр Георгиевич заметил у самой крепостной стены чайхану, где сидели караульные афганские солдаты. Корнилов, испытывая судьбу, повел своих спутников внутрь и приказал подать завтрак. Он решает ждать до полного рассвета, чтобы лучше изучить профиль крепости.

Уже совсем рассвело, когда к ним подъехал афганский офицер, наблюдавший за крепостным районом. Корнилов объяснил свой приезд в Дейдади желанием поступить во вновь формируемый эмиром Абдурахманом Туркестанский конный полк. Офицер поверил ему. Корнилов получил возможность не только подъехать к стенам крепости, но и сделать несколько фотографических снимков укреплений. После этого он составил подробный план местности, а также добыл книгу афганского эмира «Джихад».

На третий день после отъезда Корнилова в «отпуск» он вошел в кабинет генерала Ионова и протянул ему фотографии и чертежи каких-то укреплений.

– Это Дейдади, – объяснил он удивленному генералу. Иванов только развел руками и тут же приказал отправить ценные бумаги и фотографии в Ташкент.

В Российском государственном Военно-историческом архиве, в фонде Генерального штаба, до сих пор хранятся редкие документы – подлинники карты и планы, привезенные Корниловым из Афганистана. Благодаря Лавру Георгиевичу в руках русского командования оказались карты и снимки не только Дейдади, но и планы укреплений Шор-Тепе, крепости Тахтапуль, чертежи афганских воинских казарм, места расположения крепостной артиллерии. В пути следования Корнилов провел съемку дорог от переправ через пограничную реку к Дейдади, привез описание характера укреплений и анализ пропускных возможностей коммуникаций, обзор приграничной северной области Афганистана.

Несколько позже полученные Корниловым материалы легли в основу русских военных приготовлений на границах Туркестана, а разведка крепости Дейдади, как вспоминал генерал И. Романовский, «разбиралась в войсках как пример тщательно спланированной операции,

и прибывших на службу в Туркестан офицеров специально знакомили с этой чрезвычайно опасной экспедицией».

Несмотря на то что экспедиция Корнилова завершилась успешно, Лавр Георгиевич был обвинен в том, что предварительно не нашел нужным доложить о своих намерениях начальнику. Также он был обвинен в том, что, отправляясь в разведку, оформил фиктивный отпуск на три дня. Поэтому предпринятая Корниловым разведка в глазах высокого начальства отдавала «авантюрой» в духе романов Майн Рида. На основании этого руководство Главного штаба не утвердило представление командующего округом о награждении «слишком молодого» капитана орденом Владимира 4-й степени, на том основании, что внеочередное награждение возможно только за «военные заслуги». Более того, «Корнилову было указано на недопустимость подобных действий впредь, а генералу Ионову объявили выговор за то, что рискует способными офицерами».

И все же заслуги Л. Г. Корнилова были отмечены переводом его в августе 1899 года на должность старшего адъютанта штаба Туркестанского округа. Однако штабная служба продолжалась недолго. Обстановка на границе с Афганистаном была весьма напряженной, и снова потребовались его способности разведчика. Поэтому летом 1899 года Корнилов работал над изучением района южнее Кушки – направления на Меймань и Герат. В этом деле ему помогали один казак и несколько туркмен, принятых на русскую военную службу. Также в то время по приказанию командующего Туркестанского военного округа Корнилов часто выезжал в малоизученный регион Патта-Гиссарь и Чубек для осмотра и уточнения пограничной полосы.

В октябре 1899 года Корнилов выехал сначала в Асхабад для участия в разработке оперативных мер на случай войны с Великобританией, а затем получил задание составить стратегический очерк Восточного Туркестана (Кашгарии), в отношении которого на топографических картах Генерального штаба имелось слишком много «белых» пятен.

Начало нового века Корнилов встретил в Кашгаре, у ворот Индии, в самом центре борьбы за сферы влияния между Великобританией и Россией. Несмотря на то что Лавр Георгиевич официально являлся частным лицом, начальство решило, что свои действия он должен согласовывать с российским консулом Н. Ф. Петровским.

Корнилов составил схему почтового сообщения между Ошем и Памиром, написал ряд рапортов, содержащих сведения о положении дел в Кашгарии. Не раз под видом купца Лавр Георгиевич проникал в самые отдаленные места. Итогом работы стала монография «Кашгария, или Восточный Туркестан. Опыт военно-стратегического описания», которая была издана в Ташкенте в 1903 году. Это исследование до сих пор считается одним из наиболее полных описаний данной территории.

В Кашгаре Корнилову впервые пришлось столкнуться с таким явлением, как народный бунт. Под влиянием слухов о «боксерском восстании» в Китае местное население собиралось разгромить иностранные консульства. Узнав об этом, Корнилов заявил в рапорте на имя окружного генерал-квартирмейстера о необходимости ввести русские войска и подавить малейшие беспорядки. Более того, он даже предложил конкретный план действий в виде отдельной войсковой операции. При этом он сослался на опыт подавления Наполеоном восстания роялистов в Париже в октябре 1795 года. Но представители российских властей не только отказались от его услуг, но и составили специальную докладную, назвав в ней Лавра Георгиевича «несостоятельным Буонапартом».

Здесь же произошел конфликт с консулом Н. Ф. Петровским, заявившим о нарушениях Корнилова в отчетности, а также о предоставлении им недостоверных сведений. Последнее звучало как упрек в непрофессионализме Лавра Георгиевича, что его особенно возмутило. Судить о том, кто был прав, весьма трудно. У консула был богатый опыт разведывательной работы, а Корнилов упрямо доказывал правильность собственных методов. Тем не менее из

штаба округа в адрес последнего пришло указание «улучшить сбор и проверку сведений о Кашгарии и всеми сведениями политического характера обязательно делиться с консулом».

Но Корнилов упрямо стоял на своем. Обидевшись, он подал рапорт о невозможности совместной работы с Петровским. Это было вполне в его духе: принципиальный до мелочей, он не терпел попыток «учить» его там, где он признавал себя профессионалом. Вполне понятно, что дальнейшая работа Кашгаре в таких условиях стала невозможной.

Тем не менее командующий Туркестанским округом достойно оценил работу Лавра Георгиевича. Вернувшись в Ташкент, Корнилов получил свой первый орден – Станислава 3-й степени, чин подполковника и должность штаб-офицера для поручений при штабе округа. Он праздновал победу над своими недругами и завистниками. Но праздник был испорчен болезнью и другими причинами. Донимали усталость, болезнь глаз от яркого горного солнца и лесовой пыли, а также недовольство из-за пристрастной, как казалось, критики его работы в качестве разведчика.

Орден Св. Станислава.

В июле 1901 года Корнилов вернулся в Ташкент, где издает собранные материалы в книге «Кашгария и Восточный Туркестан», напечатанной «средствами Туркестанского военного округа».

За работу в Восточном Китае он награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и уже через месяц, 3 сентября 1901 года, согласно «секретному письму начальника Главного штаба командирован в пределы Персии».

Русскому Главному штабу требовались сведения о провинциях восточной Персии – Харасане и Сеистане. Россия на рубеже веков активно проникала в Персию, стараясь противостоять английскому влиянию, добиваясь выгодных условий для своей торговли и промышленности. Персия становится сферой влияния России и зоной ее интересов. Кроме того, Российская империя готовилась к постройке железной дороги через Персию и устройству порта в Шехбаре на побережье Персидского залива с «различными укреплениями и флотом».

Для выполнения очередной разведывательной задачи небольшой отряд Корнилова, состоявший из двух казаков и двух туркмен, должен был пройти по знойной пустыне, населенной воинственными племенами, почти четыре тысячи верст. При этом Лавр Георгиевич был обязан собрать военно-экономические материалы, составить карты Северной Персии, а также добыть исчерпывающие сведения о положении страны.

Эта экспедиция продолжалась семь месяцев. Лошадей у разведчиков почти не осталось, припасов крайне мало. Основной багаж составляли оружие, инструменты и дневники.

Путь из Сеистана до Мешхеда вдоль Афгано-Персидской границы был неимоверно тяжелым. Отряд медленно продвигался через необъятное пространство раскаленных степей. Персы называли эту пустыню «Дашти-Наумед» – «степь отчаяния». Лишь немногие английские исследователи предпринимали неудачные попытки проникнуть в глубинные районы пустыни, поэтому на картах начала XX века почти вся «Дашти-Наумед» все еще была представлена большим белым пятном с надписью «неисследованные земли».

Первым европейцем, решившимся пересечь пустыню с юга на север, стал Л. Г. Корнилов. В пути следования отряда воду находили в редких колодцах, припасов постоянно не хватало. Пищу отряда составляли лишь мучные лепешки. Посуду бросили в самом начале пути и лепешки пекли прямо на углях. Силы лошадей и людей убывали с каждым днем. Из-за слабости были оставлены палатки и многая необходимая утварь. Но дневники, карты и собранные образцы Корнилов упрямо вез с собой. Результатом этой экспедиции стал богатый материал об этнографии народов Северной Персии, дорогах, прилегающих к русско-персидской границе, сведения об отношении племен Персии к Российской империи, состоянии персидской армии и ее пограничных укреплениях.

Итак, и эта разведывательная экспедиция была проведена успешно, свидетельством чего стали труды Л. Г. Корнилова: «Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана» и «Нушки-Сеистанская дорога». Выводы, к которым пришел тогда Лавр Георгиевич, подтверждали готовность Великобритании к расширению своего влияния на Персию и среднеазиатские районы Российской империи. В связи с этим возникала потенциальная военная угроза, которая требовала укрепления среднеазиатских границ Российской империи.

Все долгие месяцы экспедиции Корнилов продолжал изучать язык, культуру и традиции персов. Любовь к этой стране он сохранил на всю свою жизнь. Как вспоминал адъютант Хан Хаджиев, Корнилов часто интересно и увлекательно рассказывал сцены и картины нравов из персидской истории, вспоминал произведения персидских поэтов, декламируя большие отрывки на прекрасном персидском языке, переводя их после слушателям».

Л. Г. Корнилов также любил и Туркестан, его историю, древние обычаи. Как вспоминал генерал Е. Н. Мартынов, позже служивший с Корниловым в Маньчжурии, «по собственным его, Корнилова, признаниям он вообще не переносил Европу и лучше всего чувствовал себя с азиатами».

В годы службы в Туркестане Корнилов был частым гостем в далеких «туземных» селениях. Его неудержимо влекла загадочная, полная тайн жизнь Востока. И это были не только слова. Корнилов знал девять языков народов русского Туркестана и Центральной Азии.

В октябре 1902 года Л. Г. Корнилов «отбывал ценз» для звания штаб-офицера в должности командира роты 1-го Туркестанского стрелкового батальона. Несмотря на то что строевая служба была недолгой, Лавр Георгиевич успел отличиться тем, что начал учить своих подчиненных ведению боевых действий в пустыне методом многосуточных рейдов отдельных разрозненных отрядов.

В ноябре 1903 года Л. Г. Корнилов выехал в Индию с целью изучения оборонительной линии по реке Инд и организации Индо-Британской армии. Это была, пожалуй, самая безопасная из всех его командировок. Благодаря прошлым поездкам по Афганистану и Кашгарию Корнилов был хорошо известен британской разведке, и ему не было смысла скрываться. К тому же среди английского руководства он уже пользовался определенным авторитетом. Поэтому английские офицеры показывали Корнилову все, что не вызывало у них опасений, приглашали на смотр, парады, знакомили с жизнью гарнизонов, хотя при этом и пристально следили за каждым его шагом.

На полях Маньчжурии

Важным этапом военной биографии Л. Г. Корнилова стала русско-японская война. 27 января 1904 года все офицеры Петербургского гарнизона собрались в залах Зимнего дворца к высочайшему выходу на молебствие о даровании победы русскому оружию. Настроение у большинства было приподнятое. И лишь немногие понимали, в какую трудную войну ввязалась Россия.

Командующим войсками, предназначенными для действий в Маньчжурии, был назначен военный министр А. Н. Куропаткин – человек, безусловно, грамотный, имевший боевой опыт, но не имевший практики командования столь крупными объединениями во время войны. Когда он появился в зале Зимнего дворца, его встретили аплодисментами, и, как пишет военный корреспондент капитан Берг, «имя Куропаткина было у всех на устах». В то же время он отмечал, что сам военный министр был не радостен. «Он шел своей обычной тяжелой походкой, пасмурный, с опущенной вниз головой. В толпе говорили, что сегодня утром, когда стали известны в Петербурге события роковой порт-артурской ночи, он представил государю список лиц, которым могло быть вверено главное начальствование нашими военными силами в войне с Японией. Говорили, что в этом списке свое имя он поставил последним». Но Николай II выбрал именно его.

Полковник Л. Г. Корнилов во время русско-японской войны 1904–1905 гг.

Дело в том, что боевая репутация Куропаткина стояла очень высоко, гораздо выше репутации военного министра и военного администратора. «В той порывистости, с которой, будучи на этом посту, он переходил от одного вопроса к другому, в той массе работы, которую он задавал главным управлениям военного министерства, требуя от них обширных справок то по одному вопросу, то по другому, видели не только большое трудолюбие и энергию, но и порыв к живому ратному делу... Говорили, что он тяготился канцелярским делом, неоднократно просил уволить его с поста военного министра и дать ему разработать план войны, которая угрожала России не далее как через пять лет. И все верили, что он сделает это превосходно...»

Авторитет Куропаткина повысили большие Курские маневры 1902 года, в которых он действовал в качестве командующего Южной армией. Он нанес поражение армии Московской, что укрепило мнение о военном таланте Куропаткина. Один из военных корреспондентов писал:

«Пишущему эти строки пришлось быть на Курских маневрах в той же роли официального военного корреспондента, в какой он отбыл русско-японскую войну, и вместе с Московской армией испытать все неудачи последней. Вместе с большинством офицеров этой армии восхищался он планами Куропаткина, энергией, с которой велся им маневр, и той верностью

глаза, с которой он соображал и наносил нам удары в наиболее чувствительные места. Помню, как энергично, как быстро велась им атака в сражении под Костровной, закончившим маневр. Как быстро мы, штаб Московской армии, должны были рассыпаться с пригорка, с которого наблюдали за ходом боя и который оказался неожиданно для нас центром стремления атакующего. А когда по окончании маневра мы стали обмениваться впечатлениями, мы наслушались немало рассказов о той простоте, с которой жил Куропаткин на маневрах, о том неустанном труде, который он нес, подавая пример всему штабу...»

8 февраля 1904 года последовало официальное назначение А. Н. Куропаткина командующим Маньчжурской армией, а 4 октября того же года Алексей Николаевич назначается главнокомандующим вооруженными силами Дальнего Востока. К этому времени японские войска овладели стратегической инициативой. Проиграно было сражение у реки Ялу, при Цзинь-чжоу, Ляюане. Обе стороны, понеся тяжелые потери во встречном сражении у Шахэ, вынуждены были перейти к обороне. Впервые в мировой военной практике образовался сплошной фронт обороны протяженностью свыше 60 км. Борьба приняла позиционный характер.

Обстановка для русских особенно осложнилась после сдачи генералами А. М. Стесселем и А. В. Фоком Порт-Артура 20 декабря 1904 года (2 января 1905 года по н. с.). Последующая попытка генерала Куропаткина выиграть сражение под Сандепу до подхода 3-й японской армии не увенчалась успехом из-за просчетов в применении сил и средств. Отступила русская армия и после поражения под Мукденом. Все грехи в русско-японской войне, похоже, списали на генерала Куропаткина, и он был снят с поста главнокомандующего. А сама война закончилась позорным для России Портсмутским мирным договором.

Крест за оборону Порт-Артура.

С началом русско-японской войны Корнилов был вызван в Петербург. Но вместо направления в действующую армию он получил назначение на должность штабного столоначальника. Но штабное «счастье» его не прельщало, и он начал добиваться отправки в Маньчжурию. Согласно аттестации подполковника Корнилова на 1904 год, у него «здоровье – хорошее, умственные способности – выдающиеся, нравственные качества – очень хорошие... воли твердой, трудолюбив и при большом честолюбии... вследствие прекрасных способностей, а равно большого самолюбия справится с всякими делами».

В сентябре 1904 года Корнилов был назначен штаб-офицером при управлении 1-й стрелковой бригады Сводно-стрелкового корпуса, с которой и вступил в Маньчжурию.

Корпус прибыл на фронт в конце 1904 года. Бригада Корнилова участвовала в боях при Сандепу и генеральной битве под Мукденом в январе – феврале 1905 года.

Боевое крещение Лавра Георгиевича состоялось под Сандепу. Эта операция была разработана командующим 2-й маньчжурской армией генерал-адъютантом Оскар-Фердинандом Гриппенбергом. План операции был подготовлен в расчете на переход в наступление всех трех русских армий, находившихся в распоряжении главнокомандующего – генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина. Но пассивное руководство действиями русских армий генералом Куропаткиным, который не решился не только ввести полностью в дело 1-ю и 3-ю армию, но и в самый ответственный момент остановил наступление 2-й армии, обратило почти выигранное русскими войсками сражение в поражение.

Медаль в память русско-японской войны 1904–1905 гг.

Грамотным и отважным военачальником подполковник Корнилов проявил себя в битве под Мукденом. В жестоких, кровопролитных атаках, по свидетельству сослуживцев, Лавр Георгиевич был в первых рядах. При атаке у деревни Вазы 25 февраля 1905 года Корнилову пришлось заменить растерявшегося командира бригады. Большая часть бригады, считавшаяся погибшей, с честью вышла из безнадежного положения, вынеся большое количество раненых. В своем докладе Корнилов указывал, что «1, 2 и 3-й полки, несмотря на крайнее утомление, большие потери, понесенные в предшествующих боях, недостаток в офицерах... и, наконец, несмотря на панику, охватившую части разных полков, отходивших по этой же дороге, держались на занятой позиции с непоколебимой твердостью под убийственным огнем пулеметов, шимоз и пехоты противника, ясно осознавая необходимость держаться для спасения других».

За этот подвиг Корнилов получил орден Георгия 4-й степени и был произведен в полковники. Нужно отметить, что в то время полковничий чин давал его обладателю права потомственного дворянства, этот статус офицер Корнилов заслужил далеко не сразу.

Накануне большой войны

Вернувшись из Маньчжурии, Корнилов был назначен делопроизводителем 1-го отделения 2-го оберквартирмейстера Главного управления Генерального штаба, отвечавшего за разведывательную службу в южных округах. В этой должности он предпринял ряд инспекционных поездок на Кавказ и в Туркестан. Опираясь на приобретенный опыт, Корнилов добился реорганизации курсов восточных языков в Ташкенте для «обеспечения округа строевыми офицерами, знающими главнейшие языки туземного населения края и соседних стран».

В это время изменились и условия жизни семьи Лавра Георгиевича. Семья проживала в собственной квартире, не особенно экономила в средствах. Подрастали дети – дочь Наташа, сыновья Дима и Юрий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.